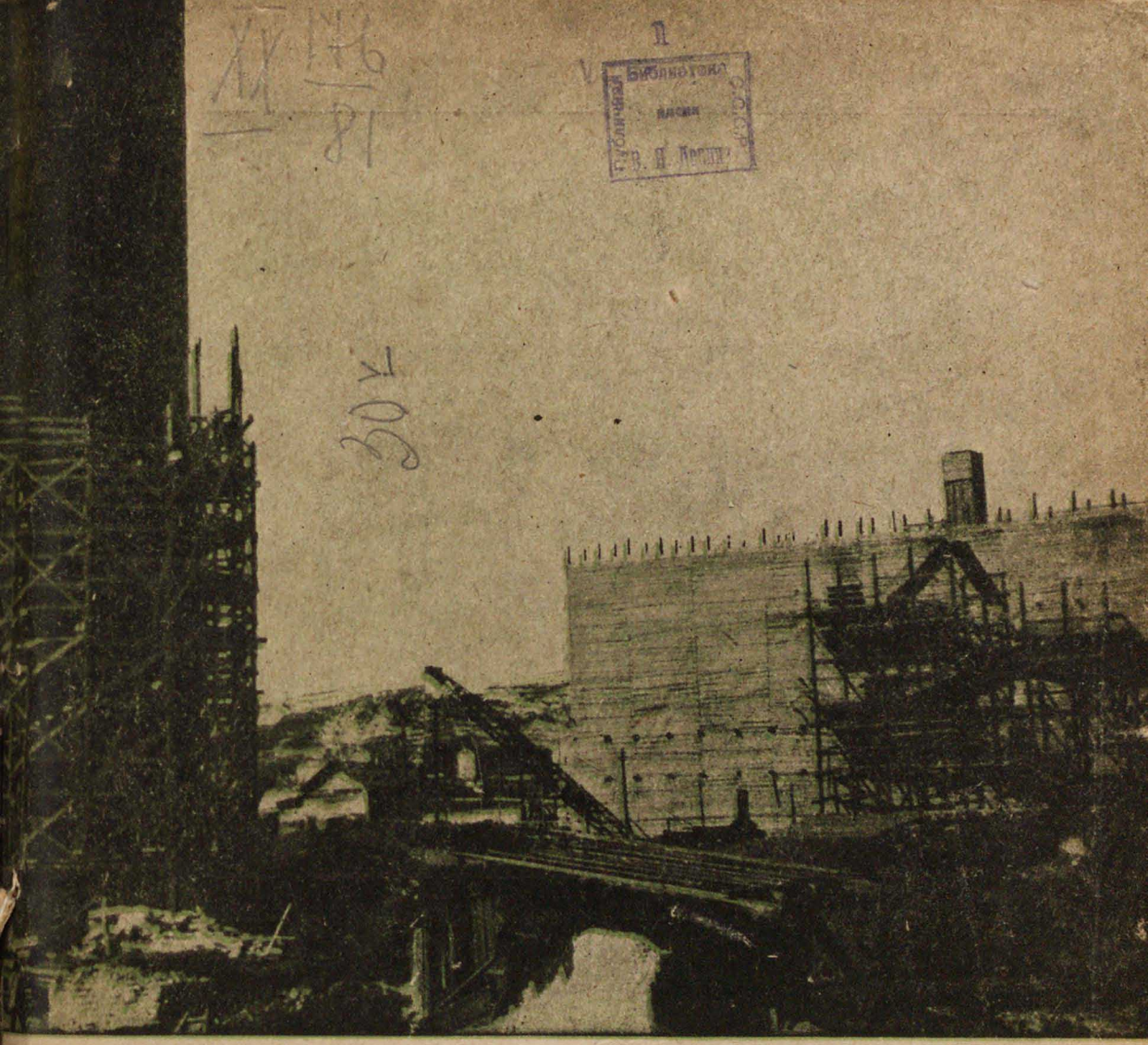
XX 176/81
Библиотека ВСНХ



НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ГОРЬКОГО

ИЮНЬ 1931

6

ЦЕНА 50 КОП.

ГИХЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

МИР ТРЕХ ГРАНИЦ

В. КОЗИН

Путь от Мерва до Кушки пролегает среди величественного безмолвия пустыни.

Состав Мургабской железнодорожной ветви движется вперед с равнодушной настойчивостью: на каждой станции паровоз, насмешливо свистнув, уходит выполнять рабочие маневры, и обезглавленный поезд часами стоит на путях, покрыв тенью горячий песок. Песок до того нагрет солнцем, что кажется—тень должна бы растаять, как туман. Пендинский оазис живет железнодорожной линией: по рельсам, разрезавшим пустыню, как провода телеграфа воздух, среди великого уныния песков, спешат к кишлакам и аулам, отягощая платформы, хлопковые сеялки, плуги и тракторы. В товарных вагонах плечистые проводники небрежно громыхают связками кровельного железа, ящиками запасных частей и сетками двухспальных кроватей. В окне почтового вагона козлобородый и обидчивый старик продает открытки, принимает заказные. В плацкартном—пропыленные агроспециалисты, гидротехники, строители, госторговцы требовательными голосами докладывают проезжему начальству о своих неотложных нуждах, суровыми огрызками карандашей пишут служебные записки, бранятся, возмущаются, торопливо курят и поминутно «снимают с себя ответственность за будущее». Некоторые, увлекшись, спохватываются только после свистка и прыгают с поезда на ходу, досадливо бормоча вслед убегающим окнам:

— Вот еще, чорт возьми, одно дельце забыл сообщить!..

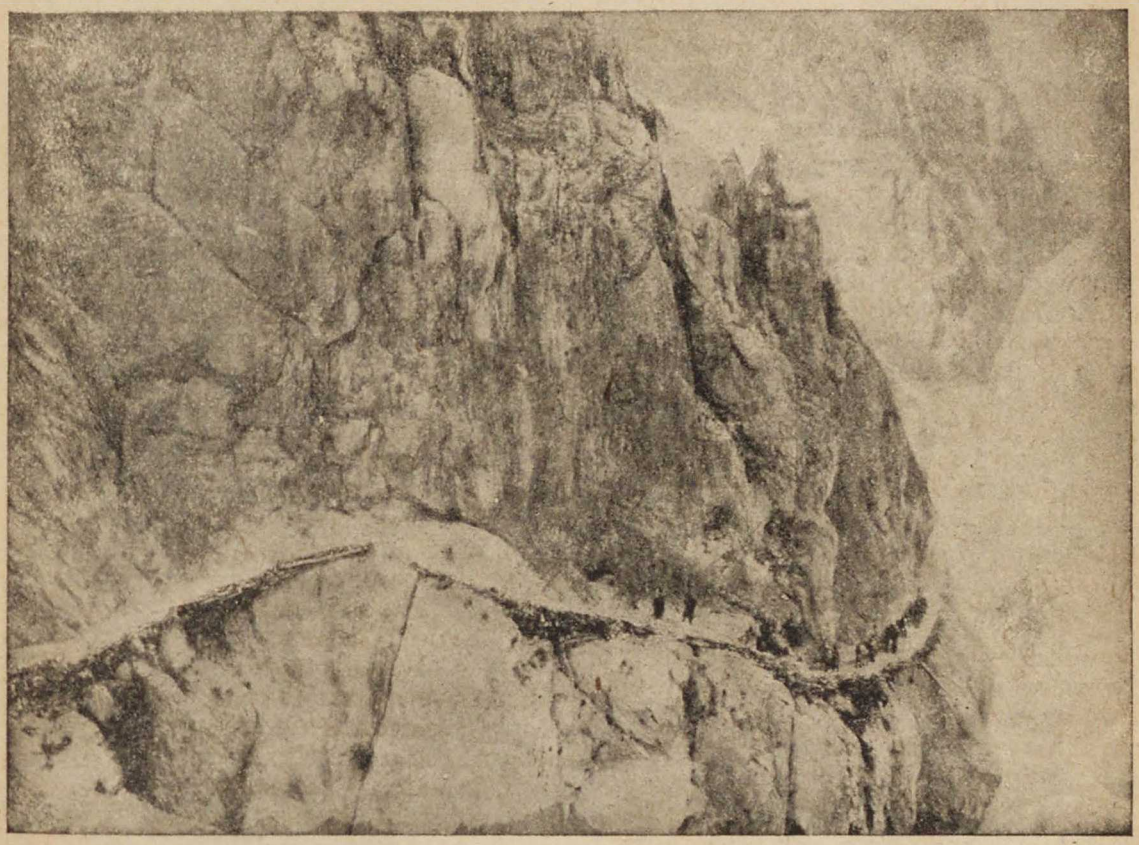
Бывшего четвертого класса вагоны со сплошными полками и печками у входа набиты молчаливо потеющей толпой. Меж красных халатов туркмен вкраплены вылинявшие сорочки женщин—высоких и тихих, как горящие свечи. Старые туркменки, изнасилованные жизнью и отягощенные детьми, теснятся в заплеванных проходах, блестя варварскими украшениями головных уборов. В конце перрона иолатанские белуджи и джемшиды из чимин-и-бидских кочевий тесным кольцом белых чалм окружают присевшую на корточки пару: невозмутимый старик перочинным ножом деловито ковыряет переносицу аульного вождя, занемогшего головной болью; уверенной рукой старик пускает кровь. Рубиновые капли скатываются по хищному носу джемшида, оставляя прямой и яркий след. Вождь в изнеможении закатывает глаза, обеими руками он держится за винтовку и взволнованно мычит. В сплоченности окружающих его чалмоносцев сквозят сочувствие и сдержанное доверчивое любопытство.

К перрону, от водокачки, верхом на ишаках приближается цветущая огненными ситцами группа туркменок. Два рослых туркмена поддерживают с боков немощную фигуру женщины, она сидит на высоконогом осле и заткана с головы до ног ослепительно яркими покрывалами. У станционного здания женщину снимают с ишака и бережно несут к вагону. Покрывало распахнулось: виден иссохший комок старческого лица; шея старухи, бессильная, как надломленный стебель, никнет под тяжестью головы, украшенной сверкающим соммоком [1]. Перед дверью вагона ослепительную старуху кладет на спину молодой туркмен и с легкой ношей подымается по ступенькам. Косоглазый проводник недоверчиво заглядывает под соммок, вздрагивающий на широком плече туркмена.

— Смотри, живая ли?—бормочет он.—А то прошлый раз посадили в вагон мертвую, так сколько я потом от пассажиров и от начальства обиды принял. Раньше запросто в кибитках помирали, а ныне научились в больницы возить. Культу-ура!

За станцией Сары-Язы поезд с лихого по-

[1] Соммок — женский головной убор.



Дорога в Хорог

ворота врывается в пылающую тишину заката и розовый сумрак песчаных ложбин. Тугайные заросли долины Мургаба раскрашены в неповторимые цвета. Весной Мургаб полноводен, неистов и зол.

За станцией Таш-Кепри ночь уже кутает долину, как дырявый белуджский чадыр. Черноватое небо прожжено звездами, и в вагонное окно настойчиво лезет зеленая звезда; черные холмогорья в суровом безмолвии сторожат одинокую дорогу,—две полоски металла рельс. Поезд приближается к концу.

В полночь состав прибывает в Кушку. В трех километрах от станции начинается Афганистан.

Как потерянный платок, белеет Кушка на приафганских холмах. В дымке розового утра она воодушевленно сверкает слинявшим золотом церковных куполов и устремленными в синее небо кровлями домиков затейливого старонемецкого стиля. Словно полотнища домотканного холста натянуты вдоль смуглых кушкинских холмов белые прямоугольники казарм. Над холмами, казармами и укреплениями нелепо высится на солнечной плешине высочайшего холма крест, воздвигнутый в 1913 г. в честь трехсотлетия дома Романовых. Он тяжел и безобразен, как трехвековое царствование «дома», страшного своей азиатской ограниченностью.

Железобетонный крест был сделан солидно, с расчетом на многие лета. Сломать его невозможно, взорвать по техническим соображениям нельзя.

Центром культурной жизни Кушки в наши дни является иной «дом»—Дом Красной армии. Особняк ДКА был когда-то местом «офицерского собрания». Здесь в давнопрошедшие времена, среди армейского офицерства, занимавшегося, помимо служебных дел, битьем денщицких «морд» и скупкой афганских ковров, и опальных гвардейцев, за разные прегрешения высланных «высочайшей милостью» из обеих столиц, пьяными выстрелами гремела по ночам знаменитая «кукушка»,—игра обессмысленной человеческой жизнью. От офицерского собрания остались только белые стены, устаревшая тяжесть покойных диванов, позолоченное великолепие рам и биллиарды, на которых красноармейцы и комсостав гарнизона тренируют меткость глаза, ловкость и силу руки.

От укреплений сохранилась средневековая тяжесть ворот, украшенных живописными лохмотьями ржавого железа, и унылое однообразие одряхлевших стен, в которых, точно глаза монгола, бесстрастно чернеют бойницы. Через ворота свободно и неслышно проходят караваны, источая знойный запах верблюжьего пота. На пугливых жеребцах проезжают джемшиды и хезарейцы в белоснежных чалмах. Семенят покорные стада ослов и жирнохвостых овец. Громыхают армейские фурманки, и настойчиво кричат грузовики. С учебных занятий идут звонкоголосые отряды, на остриях своих штыков они несут лучистые осколки солнца. По вспыленной дороге дробь бойких копыт рассыпают отряды,— в сдержанной самоуверенности тихо звякает металл и поскрипывают седла.

«Никто пути пройденного у нас не отберет...»

По утрам над городом пятиконечных звезд, по голубым просторам неба, где растаяло солнце, плывет призывно расплавленная медь зари. Вечерами, в золоте заката, на рыжих конях качаются вдоль Кушки лихие эскадроны, веселые оркестры наяривают лезгинку, задорный посвист обгоняет командиров, сидящих крепко на лукавых жеребцах. В лад торопливому оркестру однообразно и упрямо кивают кони шеренгами голов, а сзади плакучим голосом туркменский взвод кричит родную песнь. Проходит эскадрон, и долго по горбатым улицам, в невыразимой тишине рождающегося сумрака, тянутся, скрываясь за ленивым клубом пыли, отзвуки протяжного напева:

«Цыг ночка думала, думала—подумала...»

Летними вечерами, как разинутая на всю площадь громадная пасть, великолепными зубами электрических огней сверкает посреди Кушки открытая сцена. Незабываемо своеобразие кушкинских спектаклей под нарядным покровом южной ночи. Яркое полушарие пустынной сцены поглощает пристальный блеск тысячи глаз. Над молодой толпой военных гимнастерок, над зеленым лугом форменных фуражек висит упрямая и бледная луна—ночное солнце пограничника. В баритон ленинградского певца, густой и теплый, как кушкинская ночь, и в нежный ропот московского сопрано вонзается порой тревожный и властный призыв вечерней зори. Порою к эстраде на подстриженном коне с торопливой осторожностью пробирается конный ординарец, и в перерыв между двух номеров раздается с эстрады неожиданно простой и мужественный голос:

— По срочному делу просят товарища коменданта!

Иногда на кушкинской эстраде бывают сцены, которые своей экзотической неожиданностью потрясают сердца гастролирующих артистов и вызывают массовое участие зрителей в эстрадном действии. Однажды, во время исполнения знаменитого демьяновского дуэта «Нас побить, побить хотели», из-под пианино вылезла встревоженная могучей перекличкой голосов—фаланга. Дуэтисты, изображая радостный порыв, окаменели в заученной мимике и жестах. Пианистка, в страхе, влезла на стул и истерическим движением подобрала юбку. Тогда красноармейцы из переднего ряда, смеясь, вспрыгнули на эстраду и, образовав своими сапогами заградительный кордон, раздавили исполинского паука-стервятника. Спектакль продолжался. Голоса певцов звучали с прежней уверенностью.

Окончание спектаклей сопровождается спокойным и согласованным передвижением оживленных красноармейских масс. Среди густой толпы, постепенно рассасывающейся под полуночным небом, слышны выкрики:

— Третья рота, сюда!..

— Саперная команда, стройся!—И на верный зов буденновского марша команды и роты, отбивая твердый шаг, исчезают в лунных улицах Кушки, направляясь к своим казармам, гордым незапятнанной чистотой.

По обеим сторонам Кушки, вдоль афганской речки Морен-су, утопают в благолепной тишине и знойной пыли два поселка: Моргуновский и Полтавский.

В поселках—кобылы с ласковыми жеребятами и ленивые мажары, подлые псы и хлопотуньи-куры, пестрые вереницы обидчивых поросят и коровы с выменем—круглым и желтым, как сыр. Тополя в строгом безмолвии стоят как на параде, как бы охраняя пышные сады. Бородачи в косоворотках рассуждают:

— Колхоз? Це дило треба разжува-аты!

В воздухе и на земле—остатки фермерских идиллий и колонизаторского благополучия. Два слова о последнем.

Взятием крепости Кушки закончилось завоевание русскими Туркмении. Это было в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году. В последующие годы царское правительство приступило к созданию материальной и идеологической опоры своего господства в крае. Была сделана ставка на русского поселенца.

На него возложили историческую и хозяйственную миссии: быть проводником русского влияния среди мусульманского населения и пограничным производителем зернофуражных запасов для армии.

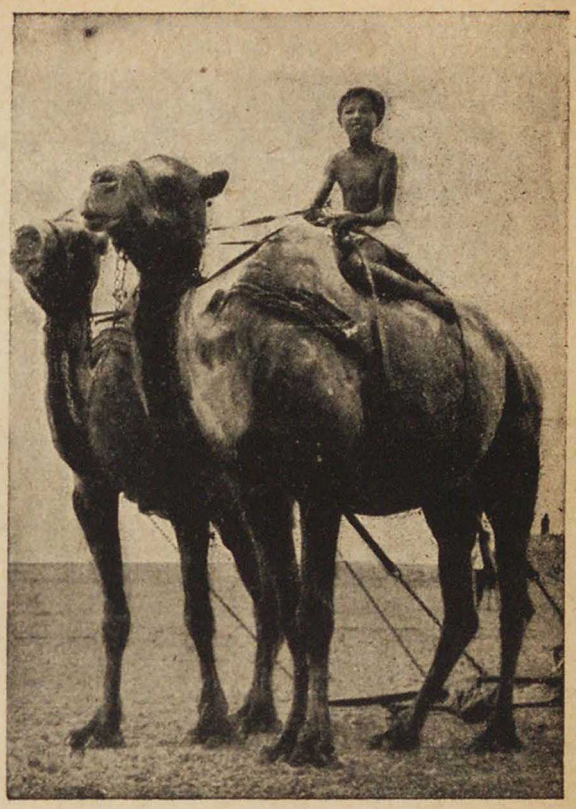
Переселенцы из Харьковской и Полтавской губерний были поражены девственным обилием отведенных им земель, несусветной жарищей и свободолюбием кочующих афганских племен. Бабы причитали: «Хиба це жисть?»— и называли афганцев чертяками. Мужики получили от хитроумного правительства по сотне на рыло, купили добрых коняк и успокоились. Так началась просторная и дюже крепкая жизнь предприимчивых украинцев на самой южной точке русских среднеазиатских владений.

Постепенно поселки раздобрели и превратились в крохотную Укразию. Безграмотные колонизаторы крестились на иконы, вывезенные из Украины, сеяли богарную пшеничку, осенью кололи боровов и черными ночами отбивали свои отары от чересчур свободолюбивых соседей. Зажиточный, в тяжелых сапогах поселенец сделался фермером и неутомимым эксплоататором края. Он старательно белил свою хату, проводил арыки, разбивал тенистые садочки, охранял на границе бахчи, засаженные кавунами, держал красных немецких быков и два публичных дома: один для господ офицеров, другой—полтинничный—для низших чинов.

В общем, жил: богател, плодил обильное и предприимчивое потомство, по вечерам звонкими девичьими голосами играл песняки про Сагайдачного, занимался немножечко контрабандой и попутно своим деятельным существованием выполнял важную государственную миссию—колонизационную миссию русского торгового капитала.

От поселка Моргуновского и железнодорожного полотна до самой афганской границы, как длинные смуглые руки, вытянуты две долины Шор-Араб и Шор-Сафет. Загроможденные суровыми и неотступными отрогами Парапамиза солнечные долины упрямо извиваются меж вздыбленных холмогорий. Только весною лысые холмогорья с пленительною неожиданностью покрываются кровавым налетом буйно цветущих тюльпанов. С весны 1930 г. в глухих долинах, всегда служивших для кочевников и контрабандистов сквозным меж двух государств путем, началось строительство самого крупного в Туркмении совхоза-комбината.

Оживленная родниками, сочащимися как пустяковые царапины из бурых недр земли, долина Шор-Араб, залитая лучами высокого солнца, представляет пестрый пейзаж советской стройки среди великих и скудных просторов приафганской страны Бадхыз.



Весенние работы в колхозе

Просторное дно долины, расписанное горькими узорами соленого ручья, сверкает новым тесом конюшенных навесов и фанерой временных бараков. В бараках помещаются кирпичники—афганцы и персы—«кяризники», пересылающие свой заработок семьям в Мешхед и Качан-Базар; на фанерной стене «восточного» барака с фанатической старательностью углем изображены стремительные минареты и дородный купол мечети Имам-Риза. В бараке в сумерках малинового заката пожилые персы, сидя на нарах с ленивыми четками в пустых руках, уверенно и с достоинством играют в шахматы. Молодежь торопливо разговаривает и вполголоса смеется. Кто-то в углу с бесстрастной настойчивостью извлекает из тростниковой дудки возбуждающий ритмическим однообразием мотив. Старик с обветренной бородой и узловатыми пальцами натруженных ног варит поодаль в казане вечерний плов. Раздраженные угли костра бросают на древнее лицо розовые и мятежные отсветы.

Рядом в таких же карточных бараках живут артели армян-плотников, русских, медлительных туркмен, украинцев и белуджей. В войлочных кибитках, наивно чернеющих среди воодушевляющего разгрома беспокойной стройки, помещаются погонщики верблюдов—джемшиды и хезарейцы. Сзади кибиток неуклюже высится обитая толем клеть закрытого совхозского распределителя, впереди—глаголем выстроенный склад, котлованы еще не переведенного с кальки на землю дома специалистов, здание совхозуправления с незашитой кровельным железом головой, облицованные бетоном водоносные ямы, шпалеры неисчислимых тысяч сырцовых кирпичей, с вызывающей прямолинейностью составленных вдоль и поперек долины, и—на буром фоне величественного холма—печь для обжига кирпича, сложенная мастерами-афганцами в виде усеченной пирамиды.

Против каждого из пресных родников, деловито звенящих в камышах придолинных ущелий, отведены участки под производственные сооружения многочисленных видов совхозского животноводства. Станция родника «Мясного»—здесь когда-то моргуновцы кололи свой убойный скот—предназначена под птичник и крольчатник; район далекого и обильного «Мадасана»—под свинарник и молочную ферму. Мясной родник пришлось подвергнуть предварительной кяризной разработке с тем, чтобы нищий его дебет поднять до шести секундолитров воды, необходимых для орошения прилегающей площади огорода и участков, предназначенных под культуру лекарственно-технических растений.

В полуденный зной, когда солнце, как огненный пластырь, липнет к затылку, оголенные до пояса персы, сверкая живою бронзой тощих тел, бесшумно топчутся вокруг ямы, разворотившей устье родника. В яме, где торчат белые концы рассеченных корней, видны ходы сусликовых нор, светятся горизонты бледных подпочв и серая галька материнской породы,—по колено в жидкой грязи стоит склонившись мастер. Черные волосы его окольцованы ремнем, медное лицо неподвижно и выразительно в своей бесстрастной уверенности. Однообразным и неутомимым движением мастер наполняет жирной грязью ведро, просовывает в дужку ведра палку с веревкой. Молодой перс со вздутыми икрами волосатых ног подымает ведро наверх и разливает грязь по высохшей траве. Яростное солнце играет на обнаженной спине перса и золотит на его правой лопатке родимое пятно. Вода из водоносных горизонтов с тихой песенкой стекает в яму и журчит по дну канала. Задача мастера состоит в том, чтобы, руководствуясь верным глазом и действенным опытом многих поколений, нащупать, проследить и обнажить водоносные подпочвенные слои. С этой задачей не справилась экспедиция молодых гидрогеологов, шесть летних месяцев проработавших на территории совхоза.

Вдоль приафганской полосы территории совхоза, занимающего весь треугольник границ Советского союза, Персии и Афганистана, кочуют племена джемшидов и хезарейцев.

Это—малочисленные иранские и иранизированные народности, основная масса их живет в Афганистане, отдельные рода иммигрировали на советскую территорию. Среди джемшидских родов известны тарбуры и шагей, кочующие в бугристых баирских степях Чимин-и-Бида, мишманы и моудуды, роем черных кибиток населяющие овечьи пастбища в районе станции Комарово. В своих родовых организациях они управляются неограниченной властью родоначальников—вождей.

Вожди и их родичи, оснащенные оружием и гигантскими чалмами, нередко приезжают в совхоз для налаживания деловых связей. Немало тонколицых джемшидов и монголоскулых хезарейцев работает на строительстве и в фисташковых рощах совхоза. Молчаливыми кучками они толпятся в комнатах совхозуправления или с покорной терпеливостью ожидают у крыльца выхода вождей; иногда ходят на собрания, устраиваемые рабочкомом, и с каменными лицами сидят на корточках вдоль стен. Они знают слово «товарищ», пределы рабочего дня, законы об оплате вынужденных прогулов и выходного пособия. Им хорошо известно, что на советской земле «драться нельзя».

В нескольких километрах от совхоза, в пределах Афганистана, живут те же джемшиды и хезарейцы.

Кратко о них.

В двадцатых числах июля 1930 г. в Кухидамене, северной провинции Афганистана, за три года в третий раз вспыхнуло крестьянское восстание. Причинами были: невыразимый гнет феодальных отношений, растравленных ростовщичеством и деспотизмом восточной бюрократии, разгром севера страны афганскими племенами и азиатский террор правительства, страдающего властительным и садическим пристрастием к рубке голов буйной бедноты. Эмир Афганистана Нагир-хан отдал приказ, чтобы кишлаки Кухидамена были под-

вергнуты бомбардировке, а семьи упрямых мятежников и дети их—уничтожены. Для разгрома повстанцев была мобилизована вся военная мощь афганского феодализма. К Кабулу и Кухидамену в числе девятнадцати племен, воодушевленных пленительною возможностью грабежа, спешили и хезарейцы. Приказ эмира был выполнен. Ржавые котлы и нищие игрушки детей, вшивые кошмы и перепелки в деревянных клетках, вонючая одежда бедноты и и свежие головы с потухшими глазами стали трофеем победителей...

Иная «среда обитания» окружает нищие афганские племена, иммигрировавшие в Страну советов.

Кушкинский райком партии, комендатура и совхоз с упорной осторожностью ведут борьбу с властительными вождями за влияние на батрачество кочующих племен. После умелой и длительной агитации комендатуре удалось организовать возле кочевий Чимин-и-Бида джемшидский колхоз.

Среди обожженных просторов темнеют, как низвергнутые купола, кибитки колхоза. Вдали, на солнечных буграх бродит стадо облезлых верблюдиц с игрушечными верблюжатами. От автомобильного гудка крутятся на арканах безумные кони. Помощник коменданта—мужчина небольшого роста—говорит сухим и чеканным голосом:

— Первый колхоз джемшидов. Ведет оседлый образ жизни. Занимается земледелием и скотоводством. Имеет европейский инвентарь. Наши подшефники. К осени мы им поставим радио. Рабы в Афганистане,—они на советской территории полноправные члены хозяйства с высшей формой организации труда и быта. Недурненький скачок, а?..

Вдоль персидской границы и чахлой Тедженки кочуют белуджи—выходцы из приindийского Белуджистана. Правый берег обездоленной речки, отдавшей гератской долине Афганистана всю полновесную силу своих стремительных вод и лишившейся в пределах Персии величественной мощи афганского названия «Герируд», является советским. На левом берегу в дымке пыльного солнца и нищей романтики лежит холмистая, горбатая Персия. Знойные вихри пыли, подымающиеся к небу, возмущают унылый простор персидских окраин, и голубой червяк реки лениво умирает среди камней и камыша.

Свои дырявые чадыры[1] белуджи предпочтительно разбивают возле советских погранпостов. Черные крылатые полога, белые одежды рослых мужчин, пестрые отрепья женщин, выветренные лица старух и голопузые дети, бегающие взапуски с борзоподобными «тазы»[2],—таков фотографический пейзаж белуджского аула. Зимою вековая нищета аулов доходит до предела, до покорной безнадежности смерти от истощения. Зимою под морозным рваньем истрепанных чадыров властвует естественный отбор: за зиму догорают высохшие старики, вымирают слишком нежные женщины, которым не хватает скудных объедков от случайной пищи мужчин, и тихие худосочные дети. Только широкогрудые, очень выносливые, очень сильные люди доживают до весны.

В ослепительных песках пограничной зоны безвестно и молча гибнут толпы белуджей, с женщинами, детьми и вшивым скарбом пробирающиеся из Персии и Афганистана на советскую территорию. Они идут без стад и верблюдов, сквозь солнце и бугры, таща на костлявых плечах скудную утварь и голодных детей. В радостном забвении всего, что осталось позади, с блуждающими улыбками на вытянутых лицах они добираются до колодцев—и долго потом в каменной неподвижности отчаяния сидят вокруг саксауловых срубов: колодцы глубоки, имеют порой сто двадцать метров до уровня воды,—без верблюдов, кожаных ведер и канатов достать воду нельзя. Недаром одна группа колодцев между афганской и персидской границами носит роковое название «Адам-элин», что в переводе означает «Гибель человека».

Устойчивыми массивами белуджи живут на юге Туркмении—возле Байрам-Али, Талхатан-Баба и цветущей Иолотани.

В пяти километрах от поста Бист-о-Пяндж расположен оседлый белуджский аул. Он коллективизирован.

Под растянутыми на палках чадырами—обрывки пропыленных кошм, слинявшая пестрота лохмотьев, казаны и куры. На площади—белая толпа мужчин, из которых некоторые в расписных жилетках и с треугольными ладанками, болтающимися на спине; женщины, сверкающие смоляными жгутами кос, цветными рубахами и серебром тяжелых браслетов на смуглых руках; старики с порыжевшей сединой истрепанных бород и покорным взглядом слезящихся глаз; недоверчивые и любопытные старухи, украдкой пробующие языком неправдоподобно блестящие ручки авто; пронырливые детишки, в восторженном ужасе вместе с матерями и бабками разбе-

---

1 Чадыр — шатер.
2 Тазы — охотничьи собаки.

Рисовые поля

гающиеся от неожиданного автомобильного гудка. Посреди солнцевеющей площади торопливыми вздохами чеканит свою сдержанную мощь трактор «Фордзон»; рядом, на расстоянии приводного ремня хлопотливо пылит тракторная мельница на колесной платформе. Мельница объединяет все возрасты. С воодушевлением и почтительной заботливостью аульная молодежь масляными тряпками обтирает трактор и следит за стремительно бегущим ремнем.

От глиняных развалин города Серакса через ущелье Зюльфагар—где узел трех восточных стран, стык границ, песков и гор, где каменная тишина и кости вымирающих куланов—до фисташковых высокогорий Кара-Чопа, вдоль территории совхоза, Персии и Афганистана белеют советские погранпосты.

Жизнедеятельность совхоза немыслима без твердой связи с погранпостами, решительными одиночками стоящими среди пустынных увалов и контрабандистских гор: для экспедиций и работников совхоза, изучающих малоисследованный край с целью освоения его производственными средствами комбината, посты являются надежными точками опоры, полевыми справочными бюро, предупредительно раскрытыми «материалами по изучению естественно-производительных сил страны Бадхыз», материалами, правда, не писанными и не изданными Академией наук.

После пропитанных потом и выжженных солнцем недель, проведенных на соленых колодцах, среди гибельной тишины и песков, отощавшая и ободранная экспедиция, надсадно крича «о-ге-гой!» и палками выколачивая из верблюдов последние силы, подымается из знойного урочища Намак-сар на равнину гигантских бадракем. В течение многих недель экспедиция знала лишь тягостную мелочность забот о лошадях, вьюках и винтовках, о бутылках с пробами колодезной воды, почвенных монолитах, образцах гипса, ракушечных окаменелостей и третичных андезитов с вулканических сопок озера Ер-ойлан-дуз; в течение долгих недель мечтала только о пресной холодной воде и глубоком спокойствии сна без караула.

Через шесть часов после подъема перед экспедицией открываются волнующая перспектива телеграфных столбов и плоские кровли Белого укрепления. Из ворот поста навстречу неожиданному каравану галопом на ревнивых конях летит разъезд; у правого бедра красноармейцев—готовые винтовки, легкие гранаты—в левой руке. Передовые экспедиции, непроизвольно улыбаясь, вздымают руки вверх и радостно кричат: «Сдаемся!»—Красноармейцы осаживают коней и закидывают винтовки за спину. Потом—твердое пожатие руки начальника поста, в одних крылатых галифе и сапогах со шпорами вышедшего на двор, неправдоподобная прохлада комнаты, пленительная горечь зеленого чая... «Пейте, товарищи, еще скипятим!»—и успокоительная торопливость ходиков на стене.

Это—пост Бист-о-Пяндж на персидской границе.

Вдали—узел хребтов, цветущих на закате, как пестрое знамя. У поста—зеленая плешина приречной долинки, навязчиво яркая, как лоскут, потерянный в песках; напротив—куполовидные кровли серого и скучного персидского аула. В стороне от аула, возле моста, выгнутого над опустошенной Тедженкой,—здания персидского погранпоста и таможни; над ними в голубой высоте лениво волнуется государственный лев.

На персидском посту—три солдата и унтер-офицер; с раннего утра они отправляются в аул на вечерний плов к верноподданному населению; на посту остается сварливый взвод голодных жен и многочисленное, с обидной неудержимостью прирастающее потомство.

На каменном мосту, под советской аркой, на трудно досягаемой высоте с бездельной старательностью выбит исторический автограф: «Начальник поста Бист-о-Пяндж штабс-ротмистр Вениамин Товстолес». И сверху: «Красноармеец Дуля из Мелитополя».

В учебной комнате советского погранпоста, где стоят свернутые знамена, висят портреты Каменева и Буденного и на столе—два трехлинейных «максима», белеет против двери квадрат под четким заголовком:

«Договор о боевом социалистическом соревновании между N и N погранотрядами в Средней Азии».

Рядом, украшенная фигурой мужественного красноармейца, мчащегося по лиловым горам на невозможном скакуне, висит стенгазета «Пограничный дозор».

Из материала стенгазеты обличительным юмором изложения привлекает внимание «Докладная лошадей» с таким содержанием:

«Товарищ комендатура! Довольно нам молча терпеть и выносить анти-лошадиное к нам отношение со стороны некоторых военнослужащих. Особенно накипела в нас лошадиная злоба на товарища Гнедыша, который по приезде откуда-нибудь всегда оставляет нас с подтянутыми подпругами и не растрензеленными. Мы коллективно просим расследовать этот недостаток т. Гнедыша и обращаться с нами по-товарищески. С конприветом. За неграмотных Карапет и Хвакт».

Поздним утром, после чистки лошадей и политзанятий, на круглой площади, примы-

кающей к посту, происходит кавалерийское учение.

Начальник поста—мужчина недосягаемого роста и неожиданно быстрый в движениях—стоит посреди, окруженный движущимся поясом конных красноармейцев. По краю площади со своеобразным расчетом расположены сквозные заборчики, утыканные связками подстриженных прутьев, откидывающиеся бревна, деревянные турники и канавы. Протяжным напевом начальник подает красноармейцам команду: «По головному... На препятствие... а-арш!» Задорный конек головного переходит на манежную рысь и, обойдя круг, плавно переносится через забор, сверкнув на солнце рыжим телом. За ним, соблюдая дистанцию, начинают равномерно нырять в воздухе гнедые и буланые тела. Серый жеребчик предпоследнего красноармейца, низконогий и грудастый, подойдя к препятствию, неожиданно заносится боком в сторону и крутится на месте, осаженный гневной рукой. При повторном разбеге он вновь пугливо откидывается от забора и встает на дыбки.

— Дайте повод коню!—кричит начальник и повелительно вздергивает руку.

— Да вона, чортова коняка, с норовом...

— Повод дайте! Где посыл? Посыл где, говорю? Шенкеля...

Серый подрысил к забору—и махнул через.

— Прыгнул конь? Прыгнул. И будет прыгать!

Начальник спокойно и уверенно отходит в сторону; потом, через несколько минут, с грубоватой заботливостью в голосе кричит:

— Оправиться! Огладить коней.

Кони переходят на шаг. Над площадкой рассыпаются звуки дружных похлопываний по влажным конским шеям.

Днем дежурный у ворот поста приводит к начальнику двух молодых черноволосых председателей: белуджского аульного кооператива и сельскохозяйственной артели. Неопытные председатели пришли на пост посоветоваться о делах: кооператив занят вопросом избрания дельной комиссии по переучету товаров, артель интересует возможность продления работы тракторной мельницы. Начальник угощает застенчивых председателей зеленым чаем. Он обещает передать по телефону серахской тракторной колонне о необходимости оставления в ауле трактора еще на неделю и советует председателю кооператива провести в комиссию молодежь, в частности, грамотного пастуха Хамракуля, работающего у белуджского вождя Яр Мамед-хана; руководящие указания он даст комиссии сам.

Кроме часовых и дежурных, погранпост в полном составе, вместе с начальником и командиром взвода, садится обедать в кухне за длинный стол. За столом сейчас же возникают шутливые разговоры, сдержанный смех рокочет по углам, здоровые загорелые лица застывают в улыбке веселого ожидания, когда начальник начинает выпытывать у быстроглазого соседа о его последнем увлечении в далекой Херсонщине, куда тот еженедельно посылает письма.

После обеда—мертвый час. Красноармейцы в одних трусиках ложатся в казарме и опускают над кроватями полога; некоторые растягиваются на попонах в тени конюшни.

Вечером, перед закатом начальник поста занимается с красноармейцами гимнастикой. Он прыгает лучше всех. Тело его отталкивается от земли, как мяч, и смуглые ноги стремительной линией вытягиваются в воздухе. Красноармейцы, мелькая красными и синими трусиками, вереницей несутся к препятствию вслед за ним и, перелетая, упруго опускаются на носки.

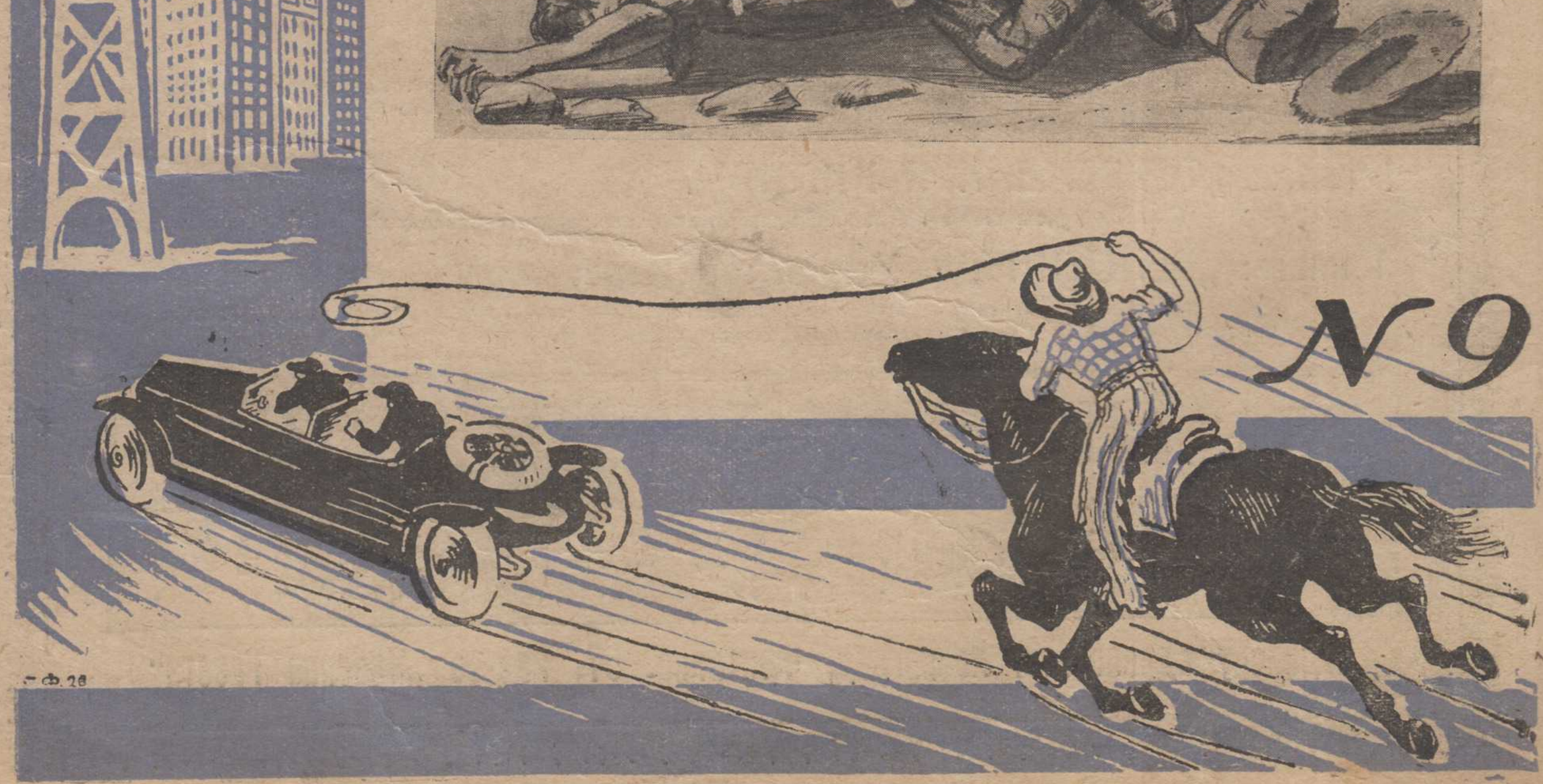
— Э-эх, Ма-руся!—задорно вскрикивает он,—ноги его сливаются в беге, как спицы... раз!—и паренек горделиво ухмыляется за веревкой.

Опаленные огнем заката цветут суровые хребты. Как синяки под глазами лежат в ущельях тени. Прямые струи дыма стоят над Персией. Сонная Тедженка заворачивается в берега—и потухают камыши.

Тяжелые псы спокойным шагом идут к прибрежным буграм в ночной караул. Ясный голос рассеянно и тихо поет за конюшней:

«Конь боевой, с походным вьюком,
Ну, что ты ржешь, кого ты ждешь?»

Вокруг света



№ 9

Цена 20 коп.

НА ПЕРСИДСКОЙ ГРАНИЦЕ

I. Поездка статистиков. — Город Красноводск. — Каспийское море.

Это было в начале европейской войны. Наш небольшой статистический отряд получил задание произвести обследование хозяйства туркмен, живущих на границе бывшей Закаспийской области (теперь Туркменской ССР) и Персии.

До Красноводска мы добрались по железной дороге. Много я поездил по всем землям и городам, образующим теперь наш Советский Союз, но не встречал города более унылого, более не приспособленного для житья, чем Красноводск. Именно, — для повседневного житья.

Типы пограничных туркмен.

Торговая и транспортная жизнь в нем кипит. На запад от города начинается единственная ниточка железной дороги, проходящая через весь Туркестан до Оренбурга. Пароходное же сообщение по Каспию связывает Красноводск со всей центральной Россией и Кавказом. Движутся по железной дороге непрерывные поезда с сырьем к морю, а в глубь Азии идут фабричные и заводские изделия. На станции работают громадные опреснители (в городе нет питьевой воды), движутся бесчисленные подводы и автомобили, а на далеко выдвинутых в море молах (у берега очень мелко) идет погрузка, грохочут краны и лебедки, и черные маслянистые пароходики убегают на запад в Россию. Сам же город почти ничего не производит и мало потребляет. Воды в городе нет, зелени никакой, в городском садике за решеткой погибают 3—4 чахлых кустика саксуаал и гребенщика, в окрестностях начинается песчаная безлюдная пустыня и низкие холмистые горы.

Отвалили мы отсюда на старой шкуне «Каспий». Море блестело зеленоватыми пятнами разных оттенков, изредка посверкивали белые гребешки морских волн.

Каспийское море (в сущности — самое большое в мире озеро) издавна служило торговой дорогой, связывающей Персию, Индию, Бухару и Хиву с Кавказом, а через Волгу с Россией. Из далеких стран, через чужие земли, мимо полудиких племен, купцы везли негромоздкие, ценные товары (драгоценные камни, шелковые материи, слоновую кость, золото и серебро) и от них было чем поживиться. Здесь в свое время действовал знаменитый казачий атаман Стенька Разин, недаром и туркмены прибрежных и островных аулов получили племенную кличку «огурджали», т.-е. воры. В наше время эти огурджали — мирные рыбаки, рабочие на промыслах и небогатые кочевники-скотоводы.

Все мы слыхали о рыбных богатствах в низовьях Волги и в Каспийском море у Астрахани, но и восточный, азиатский берег моря дает не мало ежегодного улова красной рыбы (белуга, осетр, стерлядь, белорыбица) с ее вкусной икрой, а также обыкновенной, частиковой рыбы: вобла, судак, сазан, сом, сельдь. Здесь же рыбаки добывают редкость Каспийского моря — тюленей.

II. Поселок Чикишляр. — Аул Гассан-Кули. — Рыбные промыслы. — Базар. — Откровенный шпион.

После 20-часового морского плавания мы добрались до Чикишляра, куда морские суда не пристают из-за мелководья. Километрах в 4—5 от берега всех пассажиров приняли крупные парусные лодки (кулас), с небольшой качкой доставившие нас к мосткам, выдвинутым от берега на 200 — 300 метров.

Чикишляр — бедный небольшой поселок в 2—3 улицы, заносимые песком примыкающей к морю пустыни, без всякой растительности Далеко выдвинуты в море небольшие рыбные промыслы. Там в громадных сараях происходит чистка, солка и упаковка рыбы. Хозяева промыслов и их рабочие — все русские. Туркмены же соседнего аула занимались на своих бударках и домбалах (двухвесельные лодки) исключительно ловом рыбы, которую и сдавали по дешевой цене на промыслах. Эксплоатация темных туркмен шла нещадная.

Через 3 дня, на маленьких (вдвое меньше узбекских) двухколесных арбах двинулись в аул Гассан-Кули, стоящий у устья реки Атрек, на самой границе с Персией. Не больше двух часов ехали мы по пустынной дороге: с одной стороны широкие отмели и мелкие, похожие на громадные лужи, заливчики моря, с другой — солончаковая бурая пустыня, покрытая буграми движущегося песка (дюны) с изредка темнеющими пятнами низких трав. За последние годы азиатский берег Каспия сильно обмелел. Даже мелкие рыбацкие лодки не могут пристать прямо к берегу.

Наконец, показался аул Гассан-Кули, сползающий к самому берегу одноэтажными и двухэтажными домиками, юртами, складами, сараями, бочками, перевернутыми лодками.

Опять странное, кажется, впечатление: что люди не живут здесь постоянно, а лишь приехали на несколько месяцев поработать, наловить и насолить рыбы и, закончив свое дело, наверное, уйдут куда-то домой, где есть и прямые улицы и садики, и травка на улице и какая-нибудь жизнь для себя. Здесь же все поставлено кое-как, наспех, где пришлось, домики сколочены из каких-то старых лодок, бочек, просмоленных досок, рваные трепаные юрты стоят прямо на дороге, где ни попало. Никак не разберешь, где собственно улица и что какому хозяину принадлежит. Да и никакого хозяйства тут нет. Разве — лодки да сохнущие на кольях сети.

С утра я опросил стариков-яшули (выборных) и начал подворный опрос хозяев. Выяснилось, что все гассан-кулинцы живут только рыбой, от улова которой зависит их благополучие. Скота—почти никакого, только по замореной лошаденке или маленькому ишаку (ослу), корм для которых приходится привозить из Персии, да по 2 — 3 козы, — самое неприхотливое животное. Посевов, конечно, нет: кругом песок и солончак. Некоторые туркмены пробуют выгонять дыни, выкапывая для них в песке ямки глубиной до полметра, загораживая их от наноса песку и часто поливая соленой водой. Овчинка выделки не стоит: хлопот много, дынь получишь 5 — 10 штук, да и те неважные, водянистые. Проще съездить на лодке в соседнюю Персию и привезти хороших дынь и арбузов. Оттуда же доставляют все нужное для обихода: одежду, посуду, хлеб, чай. Даже вода здесь привозная: и продается по 3—4 коп. за ведро, а зимой даже по 10 коп.

Как-то утром пошли мы с товарищем на аульный базарчик, раскинувшийся в центре Гассан-Кули. На арбах, лотках и просто на земле разложили торговцы-туркмены и персы свой неприхотливый товар: мату (бумажная ткань), рубахи, порты и халаты, платки и кушаки, мягкие сапоги (ичиги) и кожаные калоши, дыни, хлеб (кавказский чурек), кислое молоко и катышки сухого сыра (катык).

Какой-то юркий человек упорно сопровождал нас и, покрикивая на торговцев, подавал нам при покупках различные советы. На нем была рваная, на половину туркменская, на половину персидская одежда. На мой вопрос, кто он такой, оборванец со спокойной угодливостью ответил: «Я — шпион!»

Пораженный его откровенностью и таким неожиданным определением профессии, я помолчал и потом нерешительно спросил, за кем же и с какой целью он шпионит. Увидя, что им интересуются, оборванец приосанился и охотно пустился в рассказы о себе.

— Меня тут все знают. И не только рыбаки в Гассан-Кули и Чикишляре, но и иомуды по Атреку, и пограничники, и даже персы в аулах. Ну, в больших аулах или у железной дороги я хожу спокойно, а если — в степь, в пески, то поглядывать надо! Скоро-скоро «кончал базар» будет! Я — шпион по контрабанде. Когда из-за границы персы и иомуды тайно ведут верблюжьи караваны с чаем, шелком, анашой (опиум), то об этом по обе стороны границы всегда кое-кто знает. Контрабандистам нужно вперед узнать, как дела идут на пограничных и таможенных постах, надо сделать остановку, кормить, а иногда сменить верблюда, самим есть и пить, надо кружным путем пройти в Ахал-Теке (Асхабад) или в Мерв, а то и прямо через пустыню Кизил-Кумы в Хиву. Много людей знает, что караван идет. Тому сунешь туман — два (персидская монета), того угостишь кок-чаем, глядишь,— всегда что-нибудь узнаешь. А узнал, беги на пост к пограничникам. Если контрабанду задержат, шпиону полагается от 2 до 5 процентов всей стоимости товара. Ай-яй, хорошие деньги бывают!

— Ну, а опасно? Если контрабандисты поймают?

— Да, было дело со мной. В третьем годе взяли они меня на кардонной дороге. Еще хорошо не убили, потому что только подозрение имели, завезли меня в ущелье, взрезали обе пятки, насыпали туда мелко нарезанного конского волоса, зашили да и пустили опять на дорогу: иди куда хочешь! Пограничники к вечеру подобрали, в больнице вылежал 3 месяца в Кара-Кала. А брата, вот, весной поймали, так сняли всю одежду, связали руки и ноги, да до головы и зарыли в песок, верстах в 3 от дороги. Кричи — не кричи! Так и кончился! Уж на третий день туркмены нашли шакальи объедки. Да, бывает! За то хорошие деньги можно заработать.

III. По реке Атреку. — Аул прокаженных. — Жизнь пограничников. — Охота на тигров и кабанов. — Иомудские племена.

На другой день мы вчетвером выехали верхом вверх по пограничной реке Атреку где сидит несколько иомудских аулов.

Во всей нижней части течения реки, километров на 100 от моря, вода в Атреке и в береговых колодцах горько-соленая, а в отдельных рукавах-болотцах загнившая, отчего среди населения очень распространены желудочные болезни. Нам пришлось взять с собою 6 ведерных боченков привозной персидской воды. С нами же отправился джигит Клыч, командированный гассан-кулинским старшиной, как проводник.

Солнце пекло почти невыносимо. Надо было держать закрытыми темя и затылок, а потому к фуражкам мы прикрепляли сзади небольшой кусок полотна, свисающий на плечи. Туркмены, да и другие народы Туркестана, круглый год носят высокие меховые шапки, превосходно защищающие от жары. На улицах городов и кишлаков часто можно видеть даже рабочих лошадей с грубой соломенной шляпой на голове.

Вторая мера, так сказать, отрицательная и ей научил меня мой верный спутник — переводчик Махмуд. Все путешественники берут с собой в дорогу фляги, плетенки, термосы с водой. Никогда не следует в дороге на солнцепеке пить холодную воду, которая лишь на мгновенье освежит рот, зато позднее возбудит более сильную жажду. Приедешь на стоянку, укроешься в тень — пей сколько хочешь, да и то лучше всего горячий горьковатый кок-чай, превосходно утоляющий жажду. Недаром, и узбеки, и туркмены, и киргизы весь день, по возможности, пьют чай. Веками и миллионами людей выработанная привычка.

Недалеко от Гассан-Кули у самой дороги я увидел небольшую группу из 4—5 построек из барочного и лодочного теса, каких то ящиков и плетней. Все это очень напоминало курятник. В одном крохотном окошке виднелась большая дыня, а в другом — странное белое лицо, без губ, с обнаженными челюстями. Непосредственно у обочины дороги стоял широкий плоский ящик и ветхая корзина.

— «Махау!» — пояснил джигат Клыч. — Здесь живут прокаженные. Живут подаянием. Для этого у дороги и выставлены ящик и корзина».

Я бросил в ящик какую то монету.

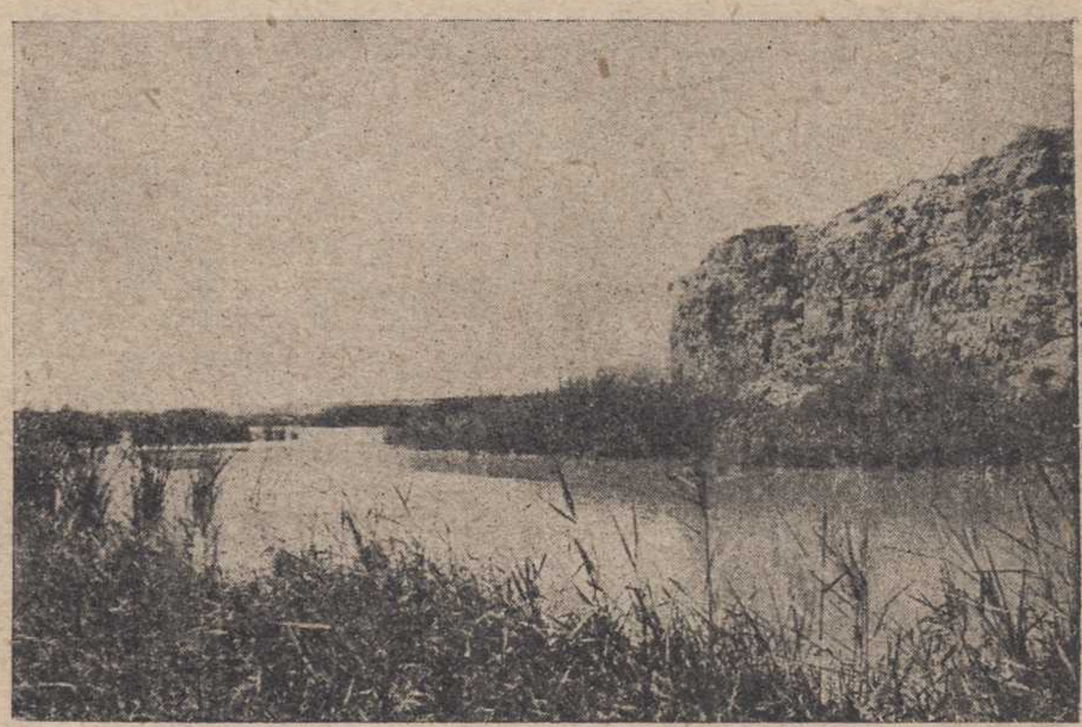
— Ну, а прокаженные никуда не выходят из своего махау? И родственники не посещают их здесь?

— Как не ходить! — спокойно отвечал Клыч. — Подаяний от проезжих мало, вот они и толкутся где-нибудь в сторонке у базарчиков, собирают в деревянные чашки милостыню, сдачу дают из той же чашки, покупают в лавченках хлеб, чай, дыни. Да и родня сюда ходит — жалко своих близких. Принесут им в чашках поесть, а через день — два обратно забирают посуду.

— И часто здесь в аулах встречается эта зараза?

— Да, бывает! Все от аллаха! Его святая воля! Случаются и браки между прокаженными, рождаются у них дети. Ну, эти — обреченные. Маленькое дитя на вид здорово, а годам к 10 — 15 болезнь уж скажется!

Шагах в 30—40 от дороги стая громадных грифов (степных орлов с голой шеей) терзала труп павшего осла



Река Атрек.

Хищники не обращали внимания на нашу проезжающую группу и лишь иногда, ссорясь друг с другом из-за лакомых кусков, взлетали, широко расставляя огромные крылья.

Уже к вечеру мы приехали на пограничный пост Кара-Дейш, расположенный на высоком песчаном бугре, над крутым обрывом реки, густо поросшей камышем. Еще издали маячила деревянная наблюдательская вышка, где посменно дежурили пограничники. Самый пост состоял из жилого домика-казармы с террасой, 2—3 сараев и конюшен. Под навесом террасы висел колокол для тревоги и сидел караульный. Винтовка лежала рядом на скамье, а полуодетый пограничник безмятежно чинил подметку своего сапога.

Нашему приезду обрадовались. Удостоверившись по документам в нашей личности, пограничники захлопотали с чаепитием и ужином. Угощали кабаном, которого застрелили накануне в тугаях Атрека. Многие из солдат по несколько лет не видали русских, кроме своих военных, и с удовольствием слушали наши рассказы о столице, о поездке по Волге, о русской деревне, где мы недавно работали по статистике.

Жизнь их — трудная, — рассказывали пограничники. Время проходит в дозорных объездах от поста до поста (километров по 25 — 30), в борьбе с контрабандистами и в охоте. Не так часто, но встречались и с тигром (джолбарс). Шкура одного лежала у пограничника на нарах. Чаще всего охотятся на кабанов, которых очень много в камышевых зарослях. Охота — опасная. Если не убьешь сразу, рассвирепевший кабан смело бросается на охотника и клыками нижней челюсти ударяет в живот, стараясь разорвать кишки. Раны почти всегда смертельны. Поэтому, пограничники никогда не охотятся в одиночку. Иомуды же, которые не едят кабанятины («чушка» —

поганая свинья), часто гибнут на охоте из-за неисправности оружия.

Особенно жаловались на непереносную жару летом и на комаров со всякой мошкарой.

— Только и отдохнешь от них на наблюдательской вышке, куда комар не может подняться, да при поездках верхом, когда лицо обдувает ветерок. Донимают еще термиты, насекомые вроде муравьев. Они точат изнутри деревья, балки и доски построек, разрушая в год-два новые здания.

Мне показали столб навеса, снаружи вполне здоровый. но когда в него ткнули рукояткой нагайки, палка вошла в столб, как в тесто. Термиты уничтожают и домашние вещи, мебель, сундуки, платье и белье. Борьбы с ними не ведется никакой.

Стычки с контрабандистами случаются часто. Ночная перестрелка из засады иногда кончается убийством с той или иной стороны.

После ужина и чая появилась русская гармошка и гитара и мы хором спели несколько песен о Волге и о русской дубинушке. Мне подарили громадные кабаньи клыки и шкурку серебристого лисенка. На другой день я сфотографировал своих новых товарищей-пограничников в полном вооружении и обещал, если снимок будет хорош, прислать им карточки на память.

Туркменские кибитки.

IV. Ак-атабайцы, их быт и хозяйство. — Иомудская свадьба. — Песчаная буря.

На другой день еще до рассвета выехали дальше вверх по Атреку. Река широко раскидывалась отдельными узкими рукавами, образуя песчаные островки и мелкие озерки красноватой, ржавой воды, окруженные густой стеной камыша. Песчаная пустыня надвигается на реку с севера, пограничная же дорога ведет по ближайшему прямому направлению, неоднократно пересекая протоки мелкой реки.

Солнце жарило во-всю. Остановиться в тени было негде.

К вечеру дышать стало уже легче, но зато появились другие мучения. Туча комаров и всякой мошкары облепила нас и лошадей. Защититься от них при тихой езде (лошади устали) было нечем. Уже в сумерки мы завидели вдали огоньки костров и вскоре, встреченные лаем полудиких собак, подъехали к аулу иомудов. Аул стоял на невысокой песчаной гряде, внизу — камышевое болотце разлива Атрека.

Ак-атабаевский «аршин» (старшина), напоив нас приятным с устатку кисленьким напитком из верблюжьего молока (чал), распорядился немедленно освободить несколько просторных юрт для помещения и работы нашего отряда. Женщины потащили из юрт лишние кошмы и ковры, ватные одеяла и подушки, сундуки, сумки с разной домашней мелочью, кувшины, бурдюки и посуду.

У туркмен нет яркости в одежде, как у горожан—узбеков, щеголяющих в халатах всех цветов радуги. Туркмен строен, строг, весь как-то подобран и до старости сохраняет прямую фигуру, узкую талию и уверенную плавность движений. На тысячи опрошенных мною по Туркменистану взрослых, я вспоминаю лишь двоих ожиревших стариков. Стройность туркмена подчеркивают высокая черная баранья шапка и однотонный, или темнокрасный или серый халат, подпоясанный кушаком. Украшенные серебром (монеты, подвески, налобники) женщины туркменские ходят с открытым лицом, лишь закрывая рот подвязанным платком или просто-напросто, при встрече с посторонними, — рукавом халата.

Под жалобно-ребячий вой шакалов, воровски подходящих ночью к самому аулу, и неугомонное нытье комаров, мы залезли под сплошной кисейный полог (масахана) и растянулись на своих походных кроватях.

На другое утро перед началом работы мы увидели иомудский свадебный поезд. На спине большого белого одногорбого верблюда (нар-тюе) укреплена легкая палатка, покрытая коврами и вышитой материей. Внутри палатки сидела невеста, поглядывая из-за полога черными глазками. Верблюда вел в поводу дядя невесты. Кругом гарцовали конные родственники, изредка стреляя из берданок. Весь поезд направлялся к аулу жениха.

Неожиданно нам пришлось застрять в этом ауле. С утра поднялся невероятный вихрь, тучи песка обрушились на аул, проникая в юрты, покрывая толстым слоем все вещи. Работать оказалось невозможно: стряхнешь бумагу, а через минуту — две опять нельзя писать. Открытые чашки с чаем быстро наполнялись песком. Ветер дул до самого вечера, когда появились очередные мучители-комары.

Все же мы решили к вечеру выехать в задуманную интересную поездку к развалинам древнего города.

V. Поездка в пустыню, — Рассказы старого иомуда. — Украденные жены. — Бегство персидского шаха. — Степной крокодил. — Развалины древнего города.

Выехали мы на горячих иноходцах (джурга) часов в 8 вечера и вскоре, на одном из бугров, мы переезжали так называемое черепашье кладбище: сотни щитов крупных и мелких черепах валялись тут. Поразила ли их какая-либо болезнь или, как утверждают туркмены, черепахи сползаются умирать в определенное место, — не знаю.

Шел месячный пост — ураза, и туркмены сидели у костров, ожидая, когда взойдет луна и закипит просяная похлебка. Нашего приезда не ждали, и еще завидя нас издали, с песчаного бугра скатился сторожевой туркмен на верблюде и понесся в аул предупредить о каких-то проезжих. Старик-яшули, рваный и стройный, встретил нас по восточному важно и приветливо. Пригласили к дастархану (угощение). Напившись зеленого чая (кок-чай), мы растянулись на черной кошме немного вздремнуть, и лишь джигит Дурды-Сагат занялся оживленной беседой с родичами.

Было 2 часа ночи. Надо ехать дальше. Молодой серп луны уже прошел половину небесного пути и над головой сверкали крупные звезды. Отдохнувши, ехали бодро в утренние часы. До старинного города было уже недалеко, но трудно двигаться лошадям и людям. Солнце поднималось к зениту и сухой горячий ветер из пустыни бил в лицо и глаза раскаленным мелким песком. Остановившись в одном встречном ауле, забравшись в юрту, мы лежа попивали кок-чай, слушая неторопливые рассказы хозяина-иомуда.

— Персы — трусы, сидят у своего хлева и амбара. Иомуд — вольный человек, сегодня здесь, завтра — ищи его в пустыне. И лошади у нас — ветер, и ружья есть. а главное — иомуд зорок, как степной орел, и ничего не боится, будь тут хоть 100 человек. Ты посмотри на наших женщин, на взрослых женщин-матерей. Почти все — персиянки. Бывало, еще совсем недавно, соберутся наши, коней 10 — 20, и едут прямо на юг. Спускаемся с горки к пригюргенским аулам, издали видно, как персы верхом и бегом удирают в горы и за реку, а их женщины связывают в узлы добро и хлопочут, чтобы во время собраться. Мы — в аул, а уж там все готово. Знают бабы, зачем мы пожаловали. Айда на коней и обратно домой! Даже стычки редко бывали Совсем трус персиянин!

— Да ведь это, Яран, разбой, грабеж!

— Зачем грабеж, мы не разбойники! «Аламан» называется. Вольный набег, сила на силу идет. Давай померяемся! Пусть они за нашими женщинами и за нашим добром сюда придут, встретим: аламан будет! Только никогда этого не бывало!

— А то, вот тоже, помнишь, персидский шах удирал из Тегерана в Россию. Персидский народ хотел его в Тегеране резать. В охране у шаха служило человек 20-30 наших иомудов, Ускакал он с ними до Гюргена и повернул к берегу моря, где ожидал парохода от русского ак-паши. Русский царь обещал спасти персидского царя. Персы догнали беглецов, окружили и тут бы шаху конец пришел, да два охранника-иомуда прискакали к нам за помощью. Собралось нас 200 коней и разогнали всех персов, а их было тысяч более пяти. Ну, тут скоро и пароход подоспел, увез персидского царя в Россию.

— За что же вы, Яран, так полюбили шаха? Ведь не даром персы выгнали его, значит, хорош был.

— Мы его и не сажали на трон обратно. А помочь бежать, отчего не помочь! Ты думаешь, из Тегерана он пустой ушел? Много-много добра увез. Поделился и с нами своей казной.

Во время разговора в дверях показался наш Махмуд.

— Хотите посмотреть здешнего крокодила? Ребята поймали.

Вышли из юрты. Группа туркмен расступилась и мы увидели 2 мальчишек, держащих за веревки в разные концы, за голову и за хвост, привязанное чудовище. Это была огромная ящерица серо-бурого цвета, со щитками на спине. Она яростно разевала узкую зубастую пасть и била хвостом в обе стороны. Степной варран или как зовут его туркмены, эчкимер (буквально: сосущий коз) смело нападает на мелкий скот, и даже, обозлившись, кидается на человека. При поимке, ребята сильно изранили его, и он вскоре издох. По моему обмеру, длина этого чудовища оказалась 138 сантиметров (без вершка два аршина).

Действительно, настоящий крокодил!

Опять поближе к вечеру мы сели на коней и вместе с Яраном добрались, наконец до развалин большого города. По преданию и по мусульманским книгам, город Мешхед-и-Мессриян, был основан в XII столетии нашего летоисчисления, жители его занимались земледелием и торговлей с окрестными народами. Сюда проведены были большие каналы из реки Атрека, орошавшие поля и сады города и многочисленных селений. Около 400 лет существовал этот город, пока не был разрушен пришедшей из центра Азии ордой диких калмыков, разграбивших сокровища, перебивших всех без остатка жителей и уничтоживших отводы атрекской воды.

Остатки высокой зубчатой стены с круглыми башнями, мечетей, дворцов и домов, занимающих площадь не менее 4 — 5 квадратных километров, громадные ветвящиеся ябы с присыпанными валами,—все говорило о могучем и большом городе, жившем в далекие времена яркой жизнью. За 300 лет пустыня почти полностью поглотила все ее следы. Кое-где сохранилась на развалинах больших зданий старинная глазурь облицовки. Я взял на память кусок голубого кирпича.

Мы походили по стенам, забирались на башни. При нашем появлении разбегались цветные и серые ящерицы, бойко взбиравшиеся на отвесные глиняные стены.

Варран.

В громадной, почти целиком сохранившейся пристройке к мечети, мы поймали несколько больших фаланг (длинноногий мохнатый ядовитый паук), скорпионов и спугнули целую стаю крупных летучих мышей, долго с писком носившихся около, привлекаемых нашей белой одеждой. Во дворе я поднял несколько длинных пестрых игл дикобраза. Где-то во дворе мечети при нашем приближении юркнули в щель гревшиеся на солнце змеи.

Яран поймал все же одну из них, придавив головку камчей (нагайкой) к земле, и раздробил ей каблуком голову и спину.

— А может быть, это степной удав, не ядовитый?, — спросил я Ярана.

— Кто их знает! У нас, туркмен, такой закон: увидишь змею, слезай с лошади и убей. Святое дело!

А. Черновский

НАУКА И ЗАБАВА

Загадочные кувшины.

В старину у нас и на Западе любили забавляться на пирах следующим «трюком». Подзывали какого-нибудь простака к столу и подносили ему кувшин меду или пива. Но кувшин с секретом: в верхней части его имеются прорезы, и если пытаться пить из него просто, поднеся его к губам, то напиток потечет через отверстия, не попав рот. Словом, как говорится в сказках и песнях: «мед, пиво пил, по усам текло, в рот не попало». Наши рисунки изображают некоторые из таких коварных сосудов начала 18 века.

Не думайте, однако, что из этих кувшинов совсем нельзя было пить. Надо было лишь знать секрет их устройства. А секрет состоял в том, что внутри ручки кувшина и вдоль его верхнего края шел к носику канал. Чтобы заставить напиток подняться по этому каналу, надо было взять носик в рот и потянуть в себя жидкость.

КРАСНАЯ НИВА

32

В АУЛЕ. Ориг. рис. для „КРАСНОЙ НИВЫ" Е. ЛАНСЕРЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 32
8 августа 1926 г.

КРАСНАЯ НИВА

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ДОРОГА

Дм. Семеновский

Дребезжанье тарантаса,
Топи, гати, пни...
Солнце выше час от часа
И смелей слепни.
В туче пыли у дороги
Около колес
Одуванчик тонконогий
Точит пух волос.
И, дивясь на тучу пыли
И на тарантас,
Широко цветы раскрыли
Веки нежных глаз.
Ходят полем конь и пахарь,
Застя низ небес,
И поет-бормочет бахарь—
Стоязычный лес.
Пробежала деревушка.
Снова—ни души.
Бубенцом звенит кукушка
В потайной глуши.
Чу, плывет он, звон плачевный,
Из конца в конец—
И дрожит молвой напевной
Сердце-бубенец.
Край мой звонкий, край бескрайной
Полевой парчи,
Кто к твоим дремотным тайнам
Подберет ключи?

ПРЯХА

Павел Дружинин

Кычет звонко птица.
Скоро,-скоро встанет
Зорька-Зоряница
В красном сарафане.
Вспыхнет—удивится,
Глазыньки откроет,
Рученьки водицей
Ключевой обмоет

И сама безмолвно
С утреннего неба
Окунется в волны
Аржаного хлеба.

По холмам, по склонам
Глянет—засмеется,
Рушничком зеленым
На лугах утрется.

Голубые косы
На ветру обвеет,
Вденет бусы-росы
На лебяжью шею.

А потом, ликуя,
Никому не скажет,
Сядет за цветную
Золотую пряжу.

Ниточка по нитке—
Всё на веретёнце,
Напрядет и выткет
Золотое солнце.

БУДНИ

Николай Попов

Наш каждый миг порывист и неистов.
И каждый миг все ярче и алей.
Но знаю, для кого-то ненавистен
Чугунный ход иноколейных дней.

Кому-то что ни день, то в душу камень
И что ни день, то залп в прогнивший дом.
Ведь будни наши выпилены нами,
И нашим скреплены гвоздем...

Еще везде весенняя починка,
И бредит целью твердая рука,
Но каждая, упавшая потинка
Цветет на стройке синью василька.

И по-иному сердце пьёт веселье,
Когда девицей в светлых прядях кос,
Воскресным днем, рабочая неделя
Вьет тишину у дремлющих колес.

В ЗАКАТНЫЙ ЧАС

Вл. Заводчиков

Сегодня так ласково машет
По-братски мне куст лозняка...
Не страшен чахоточный кашель,—
Согрета твоею рука.
Родному спокойному краю
Все боли отдать я принес,—
Как брату родному, кивают
Зеленые шапки берез.

Отсюда лесистые кручи
Мы можем с тобой обнимать...
О, милая детская участь,—
Так сладко до боли сгорать!..
Пропеть бы вечерней порою
На грустный, но ласковый лад:
— «Побудь мне сегодня сестрою
Почувствуй, что я тебе брат».

У Персидской границы

В 15 верстах от нестерпимо-знойного Полторацка, у самого подножия Копет-Дага, лежит кукурузный аул Багир. Крепкие, широкоскулые, фиолетовые горы, душистые травы, вычитанные из восточных сказок, огромные псы, похожие на волков в овечьей шкуре. Еще версты за две до Багира в лицо и уши бьет пряная водяная свежесть: аул на зависть остальным богат водой.

Багир велик, буйно плодороден и почти счастлив. За парой кривых и хромых ущелий-улочек начинаются поля. Их джугара (кукуруза) угловата и обожжена солнцем; ее широколистые стебли похожи на ремизовских чертяк или кривляющихся кустарных Петрушек, и кажется, будто по обеим сторонам дороги—лес огородных пугал. Откормленные верблюды нагружены лентами свежей джугары, широкими, как пальмовые листья.

За полями пугал—зелень, ухабы, и опять вода. С тутовых деревьев шлепаются мягкие ягоды. Выше, к горам, каменистые, глиняные и по-кремлевски зубчатые холмы цвета пустыни. Это развалины Ниссы (Нассау). Есть за аулом Багир две Ниссы—старая и древняя: одна разрушена русскими, другая... греками, сирийцами, халдеями, филистимлянами? Тысячи лет сыплются с горных стен песком и щебнем; черный пастух... но об этом когда-нибудь после.

Мы приехали в Багир вечером. С вершин Копет-Дага сползала последняя лава заката. Единственный представитель советской власти—милиционер—сладко посапывал на ступеньках поразительно российской, троице-сергиевской лавченки, призрачно освещенной «молнией». Завидев наш «фаэтон», медленно и плавно собрались текины, окружили и повлекли в подобие чайханы.

— У него всегда гости останавливаются,—уверял наш извозчик, бывший николаевский солдат, живший и «в России и в Москве» (здесь это две разные вещи). Он морщился и предсказывал, что за ночлег сдерут.—Народ здесь стрелянный, недаром каждые два-три дня ездит в город.—Аул снабжает столицу овощами. По дороге наша компания обросла хромающими стариками, и не успели мы напиться чаю на гостеприимных коврах у круглой кибитки, как были осаждены чающими исцеления. Пошли жалобы на загнившие раны, малярию, ревматизм. Отказать, отговориться незнанием ни за что нельзя—кровно обидятся. Вечером была окончательно разгромлена наша походная аптечка.

Перед ужином хозяева зарезали и освежевали около кибитки барана. Пока что мы решили пройтись по тихим, кривым закоулочкам, залитым луной, как кулич белой сахарной поливой.

Так уж повелось, что, когда мы приезжали в какой-либо город, кишлак, аул Таджикистана, Узбекистана или Туркмении, местные гиды задавали нам стереотипный вопрос: «Хочешь посмотреть люди, который не человек»?

И тащили нас в курильни опиума, к териаккешам, в кукнарханы, где в чадном дыму двадцатилетний старик жадно досасывал черную и липкую, как чума, трубочку. С минуты на минуту мы ожидали, что здесь предложат то же—и дождались. К нашему удивлению, важный седой старик сказал ни с того ни с сего:

— У нас не курят. Магомет говорит—грех. У нас нет. Вот Бухара да Баку—да. Мы нет.

Но меня тянет за рукав переводчик:

— Слушайте, купить хотите? Восемь рублей. Фунт, два? Териак, шира? это сейчас. Раз два и...

— Да нет. Не хотим покупать. И смотреть не хотим.

Тут, конечно, все шито-крыто, а содержатель териак-ханы торжественно восседает у кибитки и приезжую из Асхабада милицию встречает ласково:

— Селям алейкум!

После опийных разговоров нас засыпали обычными вопросами. Один заинтересовался, где служим, сколько получаем? Переводчик взволнованно зашептал:

—Это хозяин,—прикидывает сколько содрать.

Перевязанные старики заводят разговор о докторах.

— Разве у вас тут нет больницы?—спрашиваем мы.

Минут пять в воздухе стоит галдеж. Перебивают друг друга, доказывают. Переводчик неохотно отрывается от спора и выпаливает длиннейшей скороговоркой:

— Какая там больница? Больница нет, врача нет, фельдшер нет! Если кто заболеет,—иди в Полторацк, а там очередь. Приди завтра. Завтра пойдешь — две очереди, а лекарство послезавтра. Хорошо еще, что дом декхан (крестьян) есть, а то совсем пропал. А если кто совсем больной, а если он итти не может? А? Просят—дай врача!

Перс Рис. В. Беляева

Говорят—врача нет. Ясно. Говорят—не ходи к баксы (колдун). А почему врача нет? Да. Потом вот школы нет. Почему нет? От Полторацка до Багира раз плюнуть, а школы нет. Ясно. А когда будет? Мулле плати, налог плати, а потом говорят—текины народ темный. Почему темный? Давай школу. Ясно.

Переводчик кричит на нас. Публика сидит молча, гладит бороды и изредка вставляет русское «да».

— Ну, а как с кооперативом? Думаете организовывать?

Переводчик впадает в длительный ажиотаж. Поддерживают его неохотно.

— Кооператива здесь нет и не будет,—категорически заявляет он.

— Почему же не будет?

— Баи не дадут. Сюда уже два раза приезжали из города. Спрашивают, хотите кооператив? А бай, как они приехали, сказал: «Если скажете хочу — налоги платить будете. А я в лавке ничего не дам—ни соли, ни керосину, ни сахару. Бегай в Полторацк, покупай». Дешевле будет? А? Дороже. Ясно. Ну, приехали те. Спрашивают—хотите кооператив? «Зачем нам кооператив? У нас и так все есть и дешево». Ясно. Кому охота налог платить. Те и уехали. Потом опять приезжали. Думали—ошибка. Какая тут ошибка? Ясно.

— Какое ж тут ясно? Вы об'ясните, что кооператив налогов не берет.

Долгий разговор. Размахивают руками, показывают куда-то в сторону гор, потом хлопают по карманам. Кричат.

Переводчик смотрит на нас недоверчиво.

— Как не берут? Вот старики говорят. В соседнем ауле послушались. Собрали налог. Открыли кооператив...

— Да не налог, а членский взнос.

— Ну, взнос. Все одно налог. Ясно. А кооператив поторговал неделю, а потом сгорел. Баи подпалили. Так деньги и пропали.

— Ну, попробовали бы сами без города открыть кооператив. Сложились бы понемножку.

Предложением заинтересовались. Горячились долго.

Горы Рис. В. Беляева

Переводчик отер лоб мохнатой шапкой и махнул рукой:

— Нет. Ничего не выйдет. Нужно, чтоб грамотные были. А кто грамотный? Мулла. А кто мулла? У муллы лавка. Да еще налог плати. Ничего не выйдет. Ясно.

К сожалению, ясно. Ничего не выйдет, пока в окрестностях Полторацка не будет школ ликбеза, пока грамотный декханин не станет обычным явлением, и письменная речь перестанет служить исключительно баям и муллам.

А главное все-таки сделано. Спавшая сотни веков Туркмения взрыта глубоким плугом Октября и тянется к знанию. На местах, в далеких аулах, где дичь и невежество и баксы, одна за другой вспыхивают школы ликбеза. К нам, на рабфаки, едет молодняк Туркменистана и грызет крепкими зубами крутую учебу, а через пяток лет на древней песчаной текинской земле алым цветом прорастут новые всходы.

Утром, расплатившись с хозяином через его крошечных, в серебряных тюбетеечках дочерей (взимать самому плату за гостеприимство считается непристойным), мы вышли на степную дорогу. Далеко в стороне, противоположной горам, на другом берегу глубокой и бурной степи, плыл призрачный караван верблюдов—чудесный образ, памятный с детства по картинкам, вложенным в пакетики чая Высоцкого и К°. Травы, вычитанные из сказок, благоухали по-новому: морем, ванилью и перцем. По ближайшей верблюжьей тропе несся из Полторацка отечный слабогрудый фордик—сообщение с персидской границей. По-семейному поманив его пальцем, мы уселись и покатили в Фирюзу.

Фирюза не Багир, не «дикие дебри в глубь страны». Фирюза—бирюза,—так, подражая персам, говорят о ней горожане. Стаи хищных косматых гор до последней минуты не хотят расступаться перед автомобилем; неожиданный поворот,—и они медленно расходятся, подрагивая старенькими облезлыми кустами. Снова по бокам и впереди горы. Зеленые рощи диковинно бледны и прозрачны: они, оказывается, из'едены странной болезнью; ни одного здорового деревца! Проказа делает ажурными нежные листья и заплевывает известкой тонкие четкие стволы. Говорят, от этой же болезни погибают в Фирюзе... куры.

За кордоном и проверкой документов широкой аллеей разливается тенистая Фирюза,—единственное и последнее прибежище полторацких великомучеников шестидесятиградусной жары. В Фирюзе—«удивительной и незаменимой», — редко выше тридцати [1]). По аллее налево несколько персидских лавок, молочных, зеленных, фруктовых; направо знаменитый фирюзинский парк. Дальше дачи. Три пятых этих дач, в прежнее время принадлежавших колониальным генералам Куропаткиным, заняты домами отдыха и украшены алыми ситцевыми флажками. За дачами дорога к подлинной «политической» границе,—каменистый путь, горные закоулки, речка, бараны и козы.

Фирюза — дом отдыха для рабочих и советских служащих,—их большинство, другая категория отдыхающих—«платные»—полторацкая интеллигенция, состоящая, главным образом, из более обеспеченных советских работников, бритых лиц свободных профессий, а то и семейств ссыльных (в самом Полторацке ссыльных много, они живут сплоченно и сравнительно замкнуто, многие работают в учреждениях).

В остальных дачах живут чаще всего персы - бехаисты. Полторацк—центр бехаизма в СССР. На лоне природы быт этой многочисленной и как-никак наиболее передовой среди религиозных сект по-вегетариански тих, размерен и подчеркнуто нормален. Тот же своеобразный дом отдыха! На иных из этих дач под обрывом протекает Фирюзинка: исток ее по ту сторону границы. На мелких волнах бутылочного цвета качаются заграничные щепочки и увядшие охвостья акаций.

Из Персии бежит вода...

Граница открывается раз в неделю по пятницам. Красноармеец, поощрительно ухмыляясь, курит жеваную папиросу и пропускает влюбленные парочки в одну из стран «тысяча и одной ночи». Жилистая ластоногая старуха в чадре бежит «оттуда» со свертком домашнего угощения для зятя. Малокровная и лихорадочная молодежь из домов отдыха делает робкие экскурсии в горы. У самого порога Фирюзы начинаются великие открытия: «Чортова комната», «Пещера царя Соломона», «Драконий пик» и т. п. Но, увы! И это не настоящая персидская граница!—это нейтральная зона. Граница, честное слово, товарищи, охраняется надежней и равномерней.

А Копет-Даг сумрачен и опасен. Над ущельями висят шаткие, как больной зуб, огромные глыбы. Почва под ногами обрывается, как нигде в более или менее европейских горах; после каждого дождя влажная земля полнится слухом о несчастьи.

Но и нейтральная зона не исчерпывается домами отдыха, бехаистами, «Чортовой комнатой». Для экзотики и острастки существуют курды. В Фирюзе они занимают старые, полуразрушенные, из'еденные куриной проказой дачи без крыш. Да простится мне романтика, но из всех так называемых «нецивилизованных» племен копет-дагские курды наиболее похожи на майн-ридовских индейцев! Эти удлиненные смуглые лица с широкими (но не тюркско-монгольскими) скулами, если можно так выразиться, тупо благородны. Черные, почти без белков, глаза смотрят скорбно-недоверчиво. Курды живут в страшной нищете. Счастливчик—контрабандист; неудачник—горный пастух одинокого черного барана. Пока мужчины пропадают в горах, женщины готовят немыслимую, как ведьмовское варево, еду и выдают замуж десятилетних дочерей. Пограничных курдов не коснулись в равной мере ни жалкая колониальная культура, ни освободительная советизация.

Вот и все. Чтобы преждевременно не впасть в лирику, избегаю распространяться о стране соловья и розы—преддверии тысяча и одной ночи. А роз в Фирюзе, действительно, невероятно много! Круглые, теплые, тяжелые, как девичья коса на затылке, мягкие, как вечерний воздух, они пахнут перцем и мускусом.

Из Персии бежит вода...

АДАЛИС.

[1]) Деревья, жирные и яркие, не «прокаженные», как по дороге, цедят смягченный солнечный свет.

Спорт

Бег женщин на 60 метров на стадионе им. Томского в Москве